

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

DOI: 10.25178/nit.2025.4.1

Статья

Переселение русских в Туву в 1920–1970-е гг.: этнодемографический и этноконфессиональный аспекты

Алена А. Стороженко

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассмотрены исторические условия и проанализированы основные этапы миграционного движения русского населения в Туву в период Тувинской Народной Республики и в советский период. Проанализированы особенности миграционной ситуации на советско-тувинской границе в период условно «закрытый» — ТНР и позднее в советский период, когда миграционные ограничения для советских граждан были сняты.

Отмечены различия в характере, направленности, масштабах, мотивах и модели расселения русских в Туве в 1920–1970-х гг., обусловленные как политикой тувинского правительства, так и характером развивавшихся советско-тувинских отношений. Рассмотрены особенности сложившейся в результате миграций на протяжении данного периода половозрастной структуры и состава семей русских переселенцев на примере насе-

ления Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР в общерегиональном контексте.

Выявлен прогрессивный характер развития этой группы населения, ее достаточный демографический потенциал. Установлено, что этнические и религиозные факторы оказывали серьезное воздействие на мотивы, формы миграции, выбор места жительства.

Выделены основные изменения социального ландшафта Тувы, произошедшие в результате миграций русского населения — усложнение этнодемографической структуры региона, формирование новой оседлой поселенческой структуры, распространение новых видов хозяйственных занятий, трансформация сакрального ландшафта.

Ключевые слова: миграция; переселение; советско-тувинская граница; этнодемографический процесс; этноконфессиональный аспект; Тувинская Народная Республика; Тува; советский период; Каа-Хемский район; тувинцы; русские Тувы; старообрядцы

Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ «"Доместикация советского": опыт репатриации старообрядцев из Европы и адаптации в СССР» (№ 24-28-01663); Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках проекта «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ» «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)».

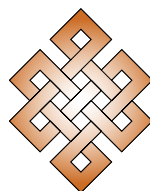
Для цитирования:

Стороженко А. А. Переселение русских в Туву в 1920–1970-е гг.: этнодемографический и этноконфессиональный аспекты // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.1>

Стороженко Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: alstorozhenko@yandex.ru

STOROZHENKO, Alena Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russia. E-mail: alstorozhenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9986-8966

SPECIAL THEME

Article

Resettlement of Russians in Tuva in the 1920s–1970s: Ethnodemographic and Ethnoconfessional Aspects

Alena A. Storozhenko

Tuvan State University, Russian Federation

The article examines the historical conditions and analyzes the main stages of the migration movement of the Russian population into Tuva during the period of the Tuvan People's Republic and the Soviet era. It analyzes the specific features of the migration situation along the Soviet–Tuvan border during the conditionally “closed” period of the Tuvan People's Republic and later in the Soviet period, when migration restrictions for Soviet citizens were lifted.

Differences are noted in the character, direction, scale, motives, and settlement patterns of Russians in Tuva during the 1920s–1970s, determined both by the policies of the Tuvan government and by the nature of evolving Soviet–Tuvan relations. The study considers the gender and age structure and the composition of Russian migrant families, which developed as a result of these migrations, using as an example the population of the Sizim Village Council of the Kaa-Khem District of the Tuvan ASSR in the broader regional context.

The progressive nature of this population group's development and its considerable demographic potential are revealed. It is established that ethnic and religious factors exerted a significant influence on the motives, forms of migration, and the choice of residence.

The main changes in Tuva's social landscape resulting from Russian migration are identified: the complication of the region's ethnodemographic structure, the formation of a new sedentary settlement system, the spread of new economic occupations, and the transformation of the sacred landscape.

Keywords: *migrations; resettlement; Soviet–Tuvan border; ethnodemographic processes; ethnoconfessional aspect; Tuvan People's Republic; Tuva; Soviet period; Kaa-Khem District; Tuvans; Russians of Tuva; Old Believers*

Financing

The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project “Domestication of the Soviet: The Experience of Repatriation of Old Believers from Europe and Their Adaptation in the USSR” (No. 24-28-01663); the article was prepared as part of research conducted within the framework of the “Mirror Laboratories” project at the National Research University Higher School of Economics: “Migration in Socioeconomic, Demographic, Cultural, and Human Dimensions (Cases of Perm Krai and the Republic of Tuva in the 1920s — Early 1960s).”

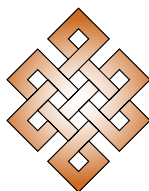

For citation:

Storozhenko A. A. Resettlement of Russians in Tuva in the 1920s–1970s: Ethnodemographic and Ethnoconfessional Aspects. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 6–22. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.1>

Введение

Тува является уникальным примером современного российского пограничного региона, пережившего в XX в. ряд системных государственных и административных трансформаций. Они определяли не только ее внешнеполитический статус, но и влияли на миграционную ситуацию: потоки, масштабы, объемы, состав мигрантов, степень их адаптации. Обладание Тувой с 1921 по 1944 гг. особого статуса государственного суверенитета — Тувинской Народной Республики (далее — ТНР) — позволяло ей, особенно в 1920-х гг., самостоятельно определять миграционную политику. Вхождение ТНР в состав СССР в 1944 г. привело к полному «открытию» государственной границы, начавшемуся еще в 1930-е гг., для советских граждан. При этом стоит отметить, что понимание «открытости» территории Тувы носило односторонний характер — для населения советского государства; будучи же в составе СССР приграничной территорией республика была закрыта для посещения иностранцами. Этот государственно-политический контекст закономерно определил уникальный характер ми-

грационной ситуации в Туве в советское время, за короткий срок поменявшейся кардинально — от практически не (слабо) контролируемой до регулируемой тотально.

Трудно порой бывает в толще исторического процесса определить отдельные миграционные потоки, выявить их этническую и конфессиональную составляющую. Анализ закономерностей в истории миграционных процессов и особенностей их проявления в Туве как территории, пережившей в 1920–1970-е гг. масштабную социально-экономическую и культурную трансформацию, является актуальной задачей современного этапа развития историографии Тувы.

Целью настоящей статьи является анализ процесса переселения русского населения в Туву в период 1920–1970-х гг. через призму этнодемографических и этноконфессиональных факторов. Рассмотрение исторического контекста миграций русскоязычного населения в Тувинскую Народную Республику, Тувинскую автономную область в 1920–1970-е гг., составление и анализ его социодемографического портрета на примере устойчивой по составу группы старообрядцев, локализованной в Каа-Хемском районе, а также выявление особенностей этноконфессионального аспекта миграционного движения — вот те задачи, которые предстоит решить в настоящей статье.

Объектом рассмотрения в статье является миграционное движение русского населения в Туву, хронологические рамки исследования — 1920–1970-е гг. Предметно рассмотрены социодемографический и этноконфессиональный аспекты миграционных процессов в исторических условиях социально-экономических и общественно-политических трансформаций рассматриваемого периода.

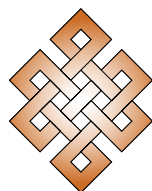
Этноконфессиональные признаки переселяющихся сообществ или отдельных людей в регион в массовых статистических и делопроизводственных источниках советского периода слабо отражены, что затрудняет возможность непосредственно статистического анализа. В этих условиях ведущим становится историко-генетический метод, с привлечением методов исторической реконструкции и моделирования. Для анализа этнодемографических процессов, наглядного их представления в виде статистических таблиц были использованы методы описательной статистики. Агрегирование данных массовых источников, какими выступили похозяйственные книги, их анализ и визуализация были выполнены в Microsoft Excel.

Методологическими основаниями статьи является рассмотрение миграций как процесса и возникающего в пределах уравнения, содержащего две основные переменные — стремления и возможности (*aspirations-capabilities framework*) (de Haas, 2021). Понятие негативной свободы, подразумевающее отсутствие препятствий, барьеров или ограничений со стороны государства связано с решением человека задуматься о переселении, но не обязательно приводит к реализации этого решения. Чтобы человек принял решение о переселении, нужна позитивная свобода, понимаемая как способность контролировать свою жизнь и реализовывать свои цели. Это необходимое условие делает массовые миграции возможными. В этом случае миграция рассматривается не как отчаянное бегство от нищеты, а как вложение в лучшее будущее.

В статье миграции рассматриваются не как простое механическое перемещение населения, а как комплексный процесс, меняющий социальный ландшафт территории, причём как территории прибытия, так и покинутой местности (Castles, 2010).

Отражаясь в источниках личного происхождения — воспоминаниях самих переселенцев, мемуарах и свидетельствах современников — процессы мобильности, миграции понимаются как такие, в которых разные группы людей, перемещаясь, несут с собой свои привычки, традиции, практики (все, что обычно обозначается общим словом «культура»), оказывают влияние на все основные стороны жизни, отражают стремление приспособиться к новым, непривычным для них условиям жизни: климату, материальной инфраструктуре, сосуществованию с носителями других социальных установок и практик. Именно это в результате обуславливает социокультурную специфику Тувы как «принимающего» региона.

Источниковой базой статьи является комплекс документов: архивных массовых статистических источников — похозяйственных книг советского периода, нарративных источников, опубликованных статистических сборников. Наиболее ранний массив, из известных нам в настоящее время, сохранившихся массовых источников советского периода представлен похозяйственными книгами Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР конца 1960-х — начала 1970-х гг. (хранятся в районном архиве Каа-Хемского кожууна Республики Тыва, цифровые копии с разрешения архива — в личном архиве автора).

Данные похозяйственные книги представляют собой формулярные документы, таблицы которых содержат 14 столбцов: №/№ п/п; № лицевого счета; фамилия, имя и отчество; дата рождения; пол; родственные отношения; национальность; образование; место получения образования; место работы; характеристика хозяйственных построек; виды и группы скота; земельный участок; место выбытия. Эти сведения позволяют реконструировать основные этнодемографические характеристики группы русских переселенцев, обосновавшихся в Туве в 1920–1960-е гг. Примером успешного опыта реконструкции демографических характеристик этноконфессиональных сообществ стоит признать работы А. А. Пригарина¹.

Основой для анализа этноконфессионального аспекта переселенческого процесса в изучаемый период, стали воспоминания переселенцев и их потомков. Среди них опубликованные сначала как цикл интервью в региональной газете «Центр Азии» и впоследствии собранные в 6 томов антологии «Люди Центра Азии»² под общей редакцией главного редактора Н. М. Антуфьевой в период с 1998 по 2018 гг. Наибольшую ценность для выполнения задач настоящей статьи представляет серия личных интервью, взятых А. Вещиковой у старейшей жительницы Тоджинского кожууна Тувы Екатерины Дорофеевой³. Материалы этих интервью содержат важную информацию о мотивах, условиях и способах переселений русских в Туву, позволяют реконструировать переселения сквозь призму «человеческого», социального восприятия как фактора адаптации, приживаемости переселенцев, причинах возвратной миграции в СССР в 1930-е гг. Толчком для обращения к этим материалам стала недавно вышедшая совместная статья Ч. К. Ламажаа с Ж. К. Туймебаевым и Б. Е. Шагимгереевой «Люди Центра Азии» как научный источник (Ламажаа, Туймебаев, Шагимгереева, 2024). Материалы этой антологии до сих пор недооценены историками, антропологами, этнографами, как справедливо отмечают коллеги. Восполнить также отдельные белые пятна в истории переселений баптистских общин в Туву позволяют материалы, опубликованные в сборнике под редакцией З. К. Казанцевой (Казанцева, 2023).

Обзор литературы

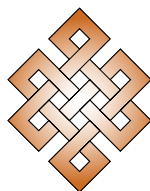
Изучению миграций в Туве пристальное внимание уделяется представителями самых разных общественных и гуманитарных наук (см., напр.: Абылкаликов, 2021). Тем не менее стоит отметить неравномерность степени проработки миграционной проблематики в тувинской историографии.

К числу исследований, предметно рассматривающих разные аспекты миграций в Туве, прежде всего, относятся работы З. В. Анайбан. Интересен и до конца не исчерпавший своего эвристического потенциала предложенный З. В. Анайбан вариант периодизации и объяснения факторов миграционных процессов в первой четверти XX в. в контексте формирования региональных контактирующих этнических общностей (Анайбан, 1999: 63–64). Содержание главы VII третьего тома академического издания «История Тувы» (История Тувы, 2016) «Социально-демографические, межэтнические и религиозные процессы в Туве (1944–1991 гг.)» отражает в целом основные положения, содержащиеся также в вышедшей чуть ранее ее статье (Анайбан, 2011), целиком посвященной анализу этнодемогра-

¹ Пригарин А. А. Этносоциальные характеристики села Буджака: материалы похозяйственных книг с. Муравлевки 1940-х гг. // Человек в истории и культуре: Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко. Одесса-Терновка : Друк, 2007. С. 296–311.

² Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1; Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2; Люди Центра Азии. Новосибирск : Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3; Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл : Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка ; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью.

³ Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (начало) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 46, 11 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/46/5270-ekaterina-dorofeeva-devyanosto-dva.html> (дата обращения: 15.06.2025); Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 47, 18 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/47/5271-ekaterina-dorofeeva-devyanosto-dva.html> (дата обращения: 15.06.2025); Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 48, 18 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/48/5273-ekaterina-dorofeeva-devyanosto-dva.html> (дата обращения: 15.06.2025).

фического развития Тувы в советский период. Автор связывает причины положительного миграционного сальдо в тот период с приездом квалифицированных специалистов из разных уголков России для работы в разных отраслях народного хозяйства республики. В комплексе эти работы отражают определенный этап развития истории миграций в Туве.

Изучению причин и обстоятельств переселений русского населения в Туву, особенностей внутрирегионального расселения староверов, их социокультурной и хозяйственной адаптации посвящено немало работ¹, в том числе автора данной статьи с соавторами (Стороженко, 2019; Любимова, Стороженко, 2021; Пригарин, Стороженко, 2024).

М. П. Татаринцева рассмотрела разные аспекты этого процесса, в частности, влияния политических репрессий и религиозных преследований на уход «староверов от мира» (Татаринцева, 2006, 2016, 2017). В совместной монографии с Н. М. Моллеровым «Русские в Туве» (Татаринцева, Моллеров, 2016), М. П. Татаринцева впервые в тувинской науке миграционные процессы русского населения в регионе рассмотрела многоаспектно и предметно.

В отдельной работе Н. М. Моллерова «История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.)» (Моллеров, 2022) переселения как таковые не выделены в отдельный сюжет. Однако автор приводит много неизвестных ранее фактов по миграционному движению периода ТНР, уточняющих его общую картину, в том числе статистических данных, впервые введенных в научный оборот. Исторические условия, связанные с непростой ситуацией вокруг советско-тувинской границы в период ТНР (Саая, 2016), накануне вхождения в состав СССР (Харунова, 2011) также рассмотрены современными исследователями на основе широкого круга исторических источников.

Постепенно формируется предметное поле изучения этноконфессиональных аспектов миграционного движения на примере изучения христианских общин в Туве (Дашковский, Монгуш, 2024), в том числе баптизма в немногочисленных работах Н. М. Моллерова (Моллеров, 2019), З. К. Казанцевой (Казанцева, 2023).

В подавляющем большинстве имеющихся работ исследователи рассматривают преимущественно этническую миграцию в Туву в целом и более конкретно — в города, а также особенности внутрирегионального движения в советский период. Своеобразие и определенная узость источниковой базы, особенно массовой статистики, определенным образом ограничивают возможности изучения этноконфессионального аспекта миграционных процессов в период ТНР и в советское время.

Единичными остаются исследования, рассматривающие миграции в историческом контексте и как часть исторического процесса. Тем ценнее немногочисленные пока труды, частично проливающие свет на отдельные аспекты этого вопроса.

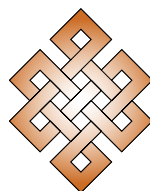
Исторический контекст миграций русских переселенцев в Туву в 1920–1960-е гг.

Переселенческое движение русских крестьян, торговцев, промысловиков-охотников, старателей, активно начавшееся во второй половине XIX в., способствовало активному включению территории Тувы «...в поле российской цивилизации» (Ламажаа, 2021: 181). Впоследствии это переселение шло почти беспрепятственно и постепенно русские переселенцы стали в Туве привычным явлением, особенно старообрядцы.

Стоит отметить, что существовала разница в официальной позиции тувинских властей по вопросу переселения в Туву и реальной миграционной ситуацией. С одной стороны, решением Всетувинского учредительного Хурала в августе 1921 г. было введено ограничение переселения русских в ТНР², кроме одного места — района Шагонара, где образовался поселок красных партизан. Это было зафиксировано особым протоколом пересечения советско-тувинской границы, провоза вещей и товаров. После 15 февраля 1922 г. была введена процедура регулирования режима пребывания советских граждан на

¹ Пастухов К. С. Взаимодействие старообрядческого сообщества и государственных институтов в Туве в 1970–1980 гг. // МНСК-2022 : Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции, г. Новосибирск, 10–20 апреля 2022 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. С. 181–182.

² Протокол Первого революционного съезда представителей от всех хошунов народов Танну-Тува, происходившего в местности Сух-Бажи с 13 августа 1921 года // История Тувинской Народной Республики в архивных документах (1921–1944). Новосибирск : Сибирское книжное издательство, 2021. С. 21.

территории Тувы, которые были отнесены к категории лиц, проживающих за границей. Официально им выдавались виды на жительство в Туве, соответственно, покидая ее, нужно было оформлять выездные визы в консульстве (Моллеров, 2022: 221).

С другой стороны, в условиях фактически «закрытой» границы (см. таблицу 1), официальные ограничения не смогли остановить добровольных переселений в целом и население продолжало прибывать, хотя масштабы несколько уменьшились. Переселение русских в Туву, по мнению З. В. Анайбан, вступило в этап правительственного патернализма. Решения ограничить и даже запретить въезд новых переселенцев после провозглашения ТНР повлияли на миграционную активность, изменились мотивационные установки, что привело к уменьшению количества переселенцев. Нельзя сказать, что весь миграционный обмен как внешний, так и внутренний, находился под контролем государства. Но органы государственной власти стремились внести некоторую организованность в вопросы принятия новых жителей (Анайбан, 1999: 64).

Характерными чертами этого этапа являлся по-прежнему добровольный и частный характер переселений в Туву, но были факты и вынужденных выселений за пределы Тувы, особенно представителей зажиточных слоев населения и репрессированных лиц в 1930-х гг. Среди причин добровольных переселений русского населения в Туву в период ТНР и позднее исследователи указывают желание укрыться от войн, революции, колхозов и раскулачивания, от призыва в армию (Татаринцева, Моллеров, 2016: 23).

В то же время, Правительство СССР предоставило тувинским гражданам возможность свободного передвижения, торговли продуктами своего сельского хозяйства и своей промышленности и занятиями промыслами в пределах Усинского района Енисейской губернии¹.

В период ТНР ежегодный наибольший рост населения Тувы наблюдался в 1930-е гг., но выражено это было по-разному у тувинских и русских граждан. При общем приросте населения на 13,78%, численность граждан ТНР в это время выросла на 11,26%, т. е. более чем на 7 тыс. чел. Это, скорее всего, было связано с естественным приростом. В то же время численность граждан СССР, проживавших в ТНР, увеличилась на 21,25% или на 3180 чел. Почти на протяжении всего периода с 1930 г. по 1939 г. прибыль в обеих вышеуказанных категориях шла равномерно, но в отношении советских граждан произошел краткий спад в 1933 году (таб. 1). Вероятно, он был вызван принудительным выселением нежелательных элементов по политическим мотивам.

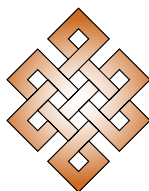
Таблица 1. Динамика роста численности населения ТНР с 1930 по 1939 гг.²
Table 1. Dynamics of population growth in the Tuvan People's Republic from 1930 to 1939

		Численность в 1930 г.		Численность в 1939 г.		Прирост абс., в чел.	Прирост, в %
		в чел.	в %	в чел.	в %		
1.	Граждане ТНР	64 075	84,62	71 289	82,78	7 214	11,26
2.	Граждане СССР	11 647	15,4	14 827	17,22	3 180	27,3
	ИТОГО:	75 722		86 116		10 384	13,73

Впечатляющие результаты прироста русскоязычного населения за такой короткий период почти на 30% стали возможны не только за счет высокой рождаемости, но и возросшей интенсивности миграционного движения в Туву. Эта тенденция постоянного увеличения удельного веса русского

¹ Соглашение между СССР и Танну-Тувинской Народной Республикой об установлении дружественных отношений, подписанное в Москве, 22 июля 1925 года // История Тувинской Народной Республики в архивных документах (1921–1944). Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2021. С. 46.

² Рассчитано по: Моллеров, 2022: 365.

населения в Туве сохранится на протяжении всего рассматриваемого периода и составит к 1959 г. уже 40,9%. При этом стоит отметить интересную тенденцию опережающего роста удельного веса русского населения по сравнению с тувинским при сохраняющемся численном перевесе последнего.

До 1970 г. в Туве наблюдался наибольший миграционный прирост населения — ежегодно примерно до 3,7 тыс. чел. В общем миграционном движении населения в 1950 г. было 11,7 тыс. чел. прибывших, а убывших всего 8 тыс. чел., а в 1970 г. их уже 19,6 тыс. чел. прибывших против 16,9 тыс. чел. Это больше в динамике почти на 100 %, но с сохранением показателя миграционного прироста (Мандыт, Гончиков, 2015: 251). И старообрядцы вносили существенную лепту в демографическую картину региона.

Старообрядцы в Туве появились вместе с первыми русскими переселенцами (Татаринцева, 2006; Татаринцева, Моллеров, 2016). В современном Каа-Хемском районе они были первопроходцами и основали в течение первой половины XX столетия большинство населенных пунктов. Это стало результатом практически постоянного миграционного движения старообрядцев как из внутри Тувы (Урянхайского края — Тувинской Народной Республики — Тувинской автономной области), так и из других сибирских и российских регионов (Стороженко, 2019). По данным Министерства Государственной Безопасности (далее — МГБ) по Тувинской автономной области:

«В 1926 году тоже из Алтая прибыло во Владимировку несколько десятков староверческих семей. В эти же годы образовались русские посёлки в Пий-Хемском районе: Ленинск (раньше назывался Морозовка), Сушь, Малиновка, значительно расширились посёлки Уюк, Хадын, Тарлык, Азют и Чихачёвка.

Причём, помимо жителей Алтая и Красноярского края, в это время стали появляться переселенцы и западных и центральных областей России. В частности, посёлок Ленинск в основном заселён украинцами и русскими из Курской области.

Во второй половине 1940-х гг. только в Каа-Хемском районе было 149 старообрядческих хозяйств и Тандинском — 104 хозяйства, в общей сложности до 600–700 человек»¹.

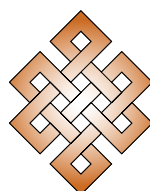
Последняя волна массового переселения старообрядцев в Туву, преимущественно в Каа-Хемский район, в 1950–1960-х гг. (Хомушку, 1998; Стороженко, 2019) была вызвана разгромом духовного центра староверов часовенного согласия — скитов на р. Дубчес в Туруханском районе Красноярского края (Любимова, Стороженко, 2021).

В течение 1930-х гг. миграционная политика меняется в сторону ослабления ограничений. Усиливавшиеся экономические и культурные связи с Советским Союзом требовали новых условий для более свободного политического и хозяйственного сближения населения двух стран. И уже в первой половине 1940-х гг. имеющиеся в связи с наличием границы формальности признаются правительством ТНР препятствием, которое «...искусственно задерживает политический и экономический рост сравнительно маленькой экономически слабой республики» (Харунова, 2011: 52). В ходе подготовительных мероприятий по вхождению ТНР в состав СССР одним из первоочередных и насущных вопросов было открытие границы «...для свободного и беспрепятственного хозяйственного и политического общения государственных, общественных организаций и населения ТНР с государственными, общественными организациями и населением Союза СССР» (там же: 52–53).

В советский период, а именно в 1944–1961 гг., в условиях «открытой границы» наряду с продолжавшимися добровольными переселениями на смену ограничениям приходит политика целенаправленного, массового привлечения трудовых ресурсов и поощрения частного миграционного движения на большей части территории Тувы (Стороженко, 2024: 277). При этом особенностью этого этапа становится расселение русских почти по всей территории Тувы. Люди переезжают не только к родственникам или единоверцам, как, например, староверы или баптисты, а по иным — трудовым или другим причинам.

Все больше появляется населенных пунктов с этнически и конфессионально смешанным населением. Направляя на работу советских специалистов в западную часть Тувы тувинское правительство преодолевает существовавшее ранее ограничение для русских селиться и заводить хозяйство в этих районах.

¹ Справка Управления МГБ по Тувинской автономной области «О политических настроениях русского населения области» от 10 июня 1947 г. Машинописная копия. 19 л. ЛЛ. 4–5.

Деление миграционного движения в Туве на этапы, представленное в *таблице 2*, носит условный характер и не отражает всех его сторон и аспектов. Предложенная трактовка «закрытой» и «открытой» границы раскрывает особенности миграционной политики и ее результатов только применительно к русскому населению на определенном этапе с 1920-х по 1960-е гг.

Таблица 2. Миграционная ситуация в Туве в 1921–1961 гг.

Table 2. Migration situation in Tuva in 1921–1961

Тувинская Народная Республика (1921–1944) «Закрытая» граница	Тувинская автономная область (1944–1961) «Открытая» граница
Добровольный характер	Государственное регулирование / Добровольный характер
Входящий / исходящий вектор	Входящий вектор
Ограниченная	Массовая
Стремление присоединиться к одноверцам / родственникам	Причины смешанного характера
Моно-этноконфессиональная среда	Дисперсное расселение

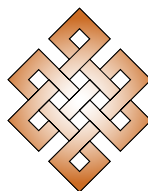
Русские переселенцы на протяжении рассматриваемого периода оставались важной и доминирующей частью общего миграционного движения как в Туву, так и внутри региона. Это стало возможным благодаря накопленному на предыдущих этапах исторического развития русско-тувинских связей опыту успешной хозяйственной и социокультурной адаптации. Впоследствии, уже опираясь на помощь и поддержку государства, переселенческое движение сохраняло высокие темпы прироста, постепенно все более становясь характерной чертой этнодемографической структуры тувинского общества.

Социодемографический портрет русских переселенцев (на примере старообрядческого населения Тувы в 1960–1970-х гг.)

В общем переселенческом потоке русского населения в Туву старообрядцы всегда занимали особое место и были нацелены на освоение новых территорий, переселяясь большими клановыми и семейными коллективами, поддерживая конфессиональное единство. Их доля в общей численности русских переселенцев также всегда была достаточно приличной — не менее одной трети и это только та часть населения, которая попадала в разные системы учета.

Старообрядцы часовенного согласия расселились в течение рассматриваемого периода (а местами и ранее) во всех имевшихся тогда населенных пунктах по течению реки Каа-Хем (Малый Енисей) — селах Сизим, Эржей, Ужеп, Шивей, деревнях Усть-Сизим, Чодуралыг, Унжей и нескольких малодворных заимках и монашеских скитах, именуемых в источнике Верховье. Кроме старообрядцев в это время в них проживало незначительное количество тувинцев и приезжих русских не старообрядцев (учителей, медиков, служащих) — в общем массиве используемых похозяйственных книг они не составили и 0,5% и в расчет не взяты. Старообрядцы стали преобладающей категорией населения, которая освоила хозяйственные ниши и встроилась в советскую экономическую систему, сохранив конфессиональные основы культуры и быта.

В течение второй половины 1950-х — 1960-х гг. произошла стабилизация старообрядческого населения Каа-Хемского района Тувы, получившая отражение в материалах похозяйственных книг Сизимского сельсовета конца 1960-х — начала 1970-х гг. В основном пофамильный состав этой группы населения сохранился до сих пор, что подтверждается полевыми материалами автора, собранными в течение нескольких десятков лет — с 1999 г. по настоящее время.

Анализ половозрастной структуры, представленный на рис. 1, позволяет довольно точно оценить демографический потенциал старообрядцев как сообщества, длительного время находящегося в ситуации миграционной подвижности и начавшего в рассматриваемый период переход к стабильному оседлому существованию и хозяйствованию.

Половозрастная структура русского населения Тувы, сложившаяся к началу 1970-х гг., в целом ближе к прогрессивной модели, для которой характерна высокая доля молодого поколения до 15 лет (29,2%). В нашем случае она еще примерно равна доле поколения старше 50 лет (25,7%) (см. рис. 1, таб. 3). Демографический потенциал переселенцев выглядит довольно обнадеживающе — почти 45% относится к «средней» группе, состоящей из трудоспособного и репродуктивного возраста от 15 до 50 лет.

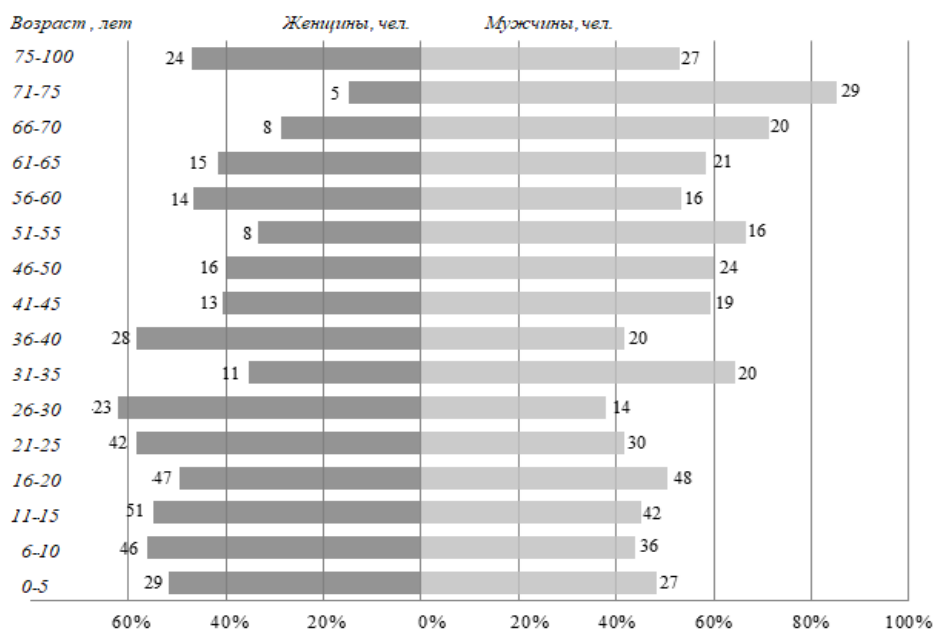

Рисунок 1. Половозрастная структура населения Сизимского сельсовета
Каа-Хемского района Тувинской АССР, начало 1970-х гг. (возраст, лет, человек)
Figure 1. Sex and age structure of the Sizimsky village Council
of the Kaa-Khemsky district of the Tuvan ASSR, early 1970s (age, years, person)

Хотелось бы отметить некоторые особенности. Средний мужской коэффициент является характерной чертой средней когорты. Начиная с 30-летнего возраста и старше наблюдается достаточно устойчивая тенденция превышения женского населения над мужским. Это поколения, рожденные в годы Великой Отечественной войны и ранее — примерно с 1900 по 1940-е гг., и это может быть объяснено не только естественно более короткой продолжительностью жизни мужчин. Влияние на демографический баланс, в том числе, оказывали те социально-политические трансформации, которые выпали на долю этих поколений, а именно — неучтенные потери революционных событий, гражданской войны, репрессий и принудительных выселений, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Стоит отметить разброс возраста в третьей «возрастной» группе, который составляет порядка 50 лет: самому старшему представителю мужского пола исполнилось 100 лет, женского — 97 лет. Частично это можно объяснить притоком «возрастного» населения в Верховье как привлекательного — на конфессиональном языке «узкого» — места. Возможность уединенного проживания, ухода от «мира» в труднодоступном месте была одной ведущей причин, стимулирующих особый тип миграции — конфессиональной.

Прослеживается почти равное соотношение полов с небольшим превалированием женского пола: 381 против 408 женского (женский коэффициент составил 1,070). Эти 789 чел. объединены в 248 семейных коллектива, т. е. на одну семью приходится 3,18 чел.

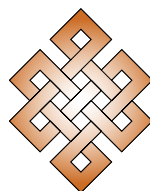

Таблица 3. Распределение по возрастным когортам населения Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР, начало 1970-х гг. (возраст, лет, человек)

Table 3. Distribution by age cohorts of the Sizimsky village Council of the Kaa-Khemsky district of the Tuvan ASSR, early 1970s (age, years, person)

Возраст, лет	Количество				Мужской коэффициент	Соотношение полов
	Женского пола, чел.	Мужского пола, чел.	Всего, чел.	То же, в %		
до 15	105	126	231	29,2	1,2	0,833
16–50	175	180	355	44,9	1,0	0,972
старше 50	129	74	203	25,7	0,6	1,743
ИТОГО	409	380	789	100,0	0,9	1,076

Распределение населения по возрастным группам в 5-летнем диапазоне не совпадает с общерегиональной картиной, которая отражала традиционную модель развивающегося общества с высокой долей молодого и трудоспособного населения и сравнительно небольшой долей населения старшей возрастной группы от 55 и 60 лет и выше¹.

Обращают на себя внимание (рис. 3) несколько резких провалов в возрастных группах от 28 до 34 лет, что соответствует периоду рождения с 1942 по 1947 гг. и с 51 года до 54 лет, что соответствует периоду с 1918 по 1920 гг. Нетрудно заметить, что эти демографические провалы соответствуют двум важнейшим историческим этапам — времени революционных событий и гражданской войны, а также Великой отечественной войны. В этом смысле демографическая ситуация развивалась в русле общероссийских тенденций, характерных для XX столетия.

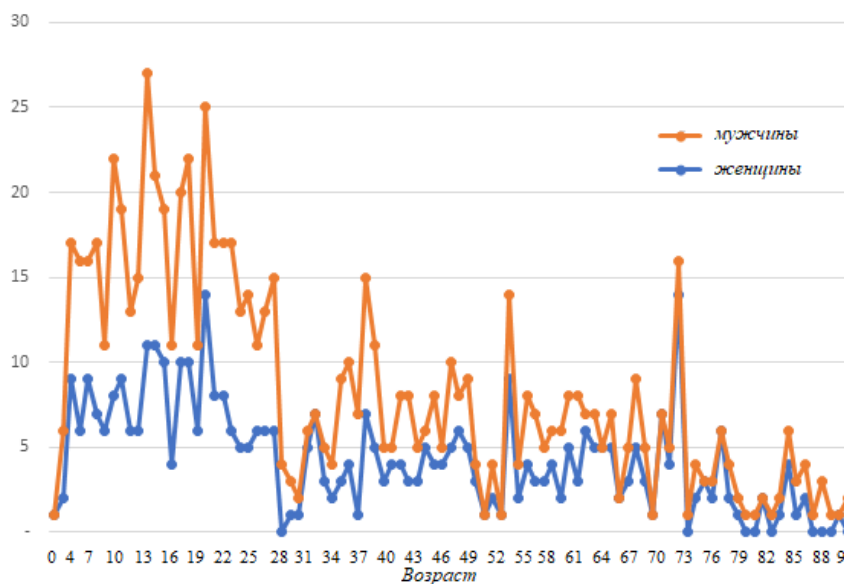
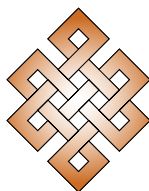

Рисунок 3. Половозрастное распределение населения Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР, начало 1970-х гг. (лет, человек)

Figure 3. Sex and age distribution of the Sizimsky village Council of the Kaa-Khemsky district of the Tuvan ASSR, early 1970s (years, people)

¹ Республика Тыва в цифрах. Статистический сборник. Т. 1. / ред. С. Н. Ламоченко. Кызыл: Госкомитет Республики Тыва по статистике, 2000. С. 16.

В общей структуре типологии старообрядческих семей преобладающим типом (почти 50%) были простые семьи, состоящие из одной брачной пары с детьми, в единичных случаях — без детей и главой подавляющего их числа являлись мужчины. Патриархальность сообщества прослеживается и в наличии сложных, неразделенных семей, состоящих из нескольких поколений (не менее 3-х) и близких родственников, проживающих вместе. Их удельный вес хоть и небольшой — 12,1%, но совсем немного уступает неполным семьям, которых насчитывается 18,1%.

Интересно отметить, что мужские неполные семьи, состояли из одиноко проживающих мужчин без детей, как правило, преклонного возраста старше 50 лет. Неполные женские семьи составляли большинство — более 70% и женщины в одиночку воспитывали детей примерно в третьей части из них. Но в остальном это были также одиноко проживающие, больше половины из которых (38 человек) были старше 50 лет.

Таблица 4. Состав и структура старообрядческих семей в Туве в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (человек, семей)

Table 4. Composition and structure of Old Believer families in Tuva in the late 1960s and early 1970s (people, families)

	Тип семьи	Муж. пола, чел	Жен. пола, чел.	Всего, чел.	Удел. вес, %	Всего семей, чел.	Всего семей, %	Кол-во членов
1.	Простые	297	254	551	69,9	121	48,8	4,55
2.	Неполные	59	84	143	18,1	97	39,1	1,47
3.	Сложные	24	71	95	12	30	12,1	3,17
	ИТОГО	380	409	789	100	248	100	3,18

Особое выделение этого типа семей связано со спецификой конфессиональной среды, для которой характерно стремление «возрастной» группы к отдельному проживанию — буквально отшельническому, монастырскому/скитскому существованию. Частично эта категория семей «пересекается» со «сложными женскими семьями», примерно 1/5 часть которых совместно проживали с родными сестрами или близкими родственницами.

В этом смысле концепт *семья* в старообрядческой среде имеет не только гражданский смысл, но и, прежде всего, подразумевает конфессиональную микро-ячейку. В случае совместного проживания женщин ее возглавляет *матушка*, по отношению к которой все остальные члены *семьи* находятся в

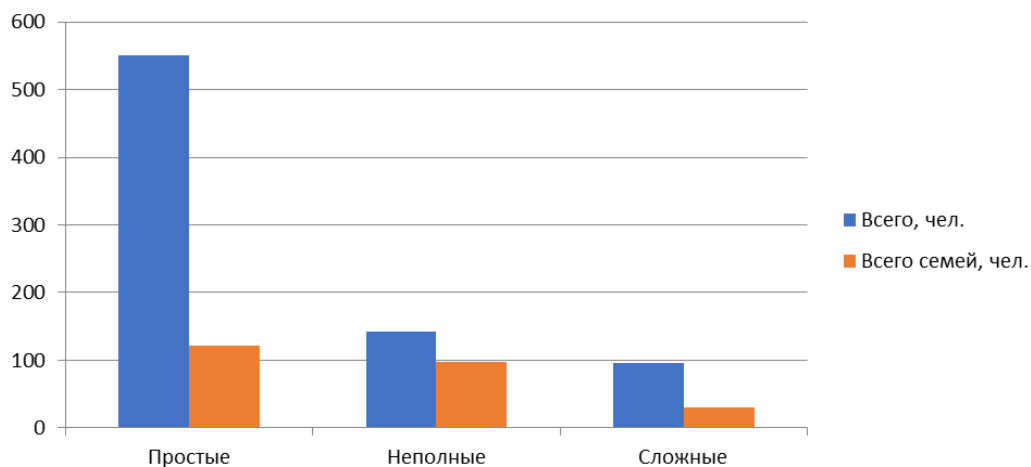
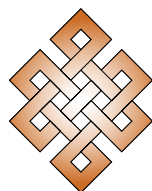

Рисунок 2. Соотношение типов старообрядческих семей в Туве в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (человек, семей)

Figure 2. The ratio of types of Old Believer families in Tuva in the late 1960s — early 1970s (person, family)

позиции подчинения и относятся к категории *послушниц*. Аналогичная ситуация наблюдалась и в случае образования одинокой «мужской семьи», но такие случаи практически не получили отражение в источнике.

На формулярном языке похозяйственных книг «матушка» обозначена как «глава» семьи. Подтверждением того, что речь идет именно о таком типе семьи, является их территориальная отнесенность в отдельном кусте населенных пунктов — *Верховье*. Именно в Верховье были сосредоточены (Татаринцева, Стороженко, 2016) отшельнические скитские поселения старообрядцев часовенного согласия. Там не было посторонних и случайных людей, практически все были так или иначе связаны между собой родственными узами. В скиту или монастыре люди могли оказаться практически в любом возрасте по разным причинам и мотивам.

Монастырь был местом спасения в тяжелые годы политических и религиозных преследований, верующие оказывались здесь по разным причинам: по сугубо личным, по возрасту и состоянию здоровья, в силу религиозных убеждений. Живущее в скитах и на заимках население старательно избегало любых форм учета и государственной регистрации, в том числе паспортизации. Поэтому имеющиеся в анализируемых похозяйственных книгах данные позволяют судить о его составе и отличительных особенностях только в самом общем виде. Из 40 человек, вошедших в списки проживающих в Верховье, больше 2/3 были старше 40 лет, а средний их возраст составлял 72 года.

Значительная часть старшего поколения этой группы населения были переселенцами первой волны конца XIX в. — середины 1920-х гг., и закономерно составляли основную часть одиноко живущих староверов или входили в состав сложных семей своих детей. Условно второе поколение переселенцев конца 1920-х — середины 1950-х гг. были потомками мигрантов первой волны, родившихся уже в Туве и те, кого к переселению подтолкнуло открытие границы в середине 1940-х гг. Важным конфессиональным фактором переселений начала 1950-х гг. стал в это время разгром духовного центра старообрядцев на севере Красноярского края (Стороженко, 2019), заставивший старообрядцев-часовенных искать спасения в Туве. Третье поколение конца 1950–1970-х гг. представляло собой уже укоренившихся переселенцев.

Этноконфессиональный аспект миграционного движения

Заграничный статус Тувы как Тувинской Народной Республики 1921–1944 гг., был для определенной части населения Сибири (Алтайского края, Красноярского края, Хакасии) одним из важных факторов, влиявшим на выбор молодой тувинской республики как места эмиграции. Для конфессиональных мигрантов это было связано с надеждами и возможностью относительно свободного отправления религиозных нужд, сохранения свободы вероисповедания.

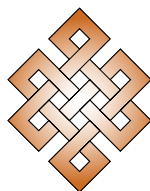
Переселенцы, как и в более ранний период, стремились воссоединиться со своими родственниками¹ или одноверцами (например, старообрядцами, баптистами), что способствовало складыванию более однородной в этноконфессиональном отношении среды.

Конфессиональная структура Тувы менялась в соответствии с изменениями этнического состава населения. Этнический состав населения Тувы был представлен тюркскими, славянскими, прибалтийскими, финно-угорскими народами при сохранении высокого удельного веса тувинского и русского населения в целом. Несмотря на официальное неприятие приверженности религии со стороны государства в советский период переселенцы неизбежно приносили с собой свои конфессиональные представления и культурные традиции.

В этнической структуре населения наблюдалась наибольшая динамика. Титульным этносом оставались тувинцы, чья общая численность в 1921 г. составляла 48 тыс. чел. и выросла к 1959 г. до почти 98 тыс. чел., что соответствует общей динамике роста более чем в полтора раза (1,7 раз). Закономерно тувинцы составляли в этот период 57% от общего числа населения и до начала XXI в. положительная динамика роста продолжилась.

Но наибольшую динамику роста — в 5,8 раза — продемонстрировала так называемая русскоязычная группа населения, в которую до переписи населения 1959 г. включались не только собственно

¹ Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 48, 18 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/48/5273-ekaterina-dorofeeva-devyanosto-dva.html> (дата обращения: 15.06.2025).

русские, но и украинцы, мордва, чуваша, татары. Этот учет отражал скорее язык общения, чем этничность. Совокупная численность этой группы русскоязычного населения выросла с примерно 12 тыс. чел. до 69 тыс. чел., составив 40,9% от общего числа населения в 1959 г. Этот масштабный прирост в 5 раз произошел именно в период с 1945 по 1959 гг., когда Тува вошла в состав СССР и началась активная внешняя миграция. В 1950–1960-х гг. начинается массовое переселение трудовых мигрантов — ветеринаров, учителей, врачей, инженеров, научных работников и других специалистов, получивших направление на работу в молодую советскую республику.

Представленность других этносов, таких как хакасы, украинцы, татары, мордва не превышала 1% в общей структуре населения Тувы на протяжении всего исследуемого периода. Среди прочих малых групп населения, чья численность колебалась от 250 до 60 чел., к 1959 г. в Туве проживали буряты, белорусы, чуваша, корейцы, евреи. Стоит отметить, что наиболее разнообразный этнический состав населения (почти 200 этносов), согласно данным переписей населения, в Туве сложился к 1979 г.

Из традиционных религиозных направлений, сложившихся еще в досоветский период, сохранялись буддизм, шаманизм, православие, старообрядчество, баптизм. Начиная с 1930-х гг. они не выходили в публичное и общественное пространство, приобретая черты скрытых и неофициальных групп, о существовании которых было хорошо известно государственным и партийным органам.

В первой половине 1950-х гг. отмечается ощутимая волна конфессиональной миграции старообрядцев в Туву, вызванная преследованиями духовных центров последователей старой веры на севере Красноярского края. Нам представляется, что эти условия и обстоятельства выступают в данном случае внешней рамкой, а внутренним посылом, заставляющим старообрядцев на протяжении нескольких столетий постоянно искать лучших мест для жизни, является именно возможность *контролировать свою жизнь и реализовывать свои цели*. Назрела, на наш взгляд, необходимость посмотреть на старообрядческие, и не только, переселения не только сквозь призму негативной коннотации и концептов «бегства», «преследования», «несвободы». Представляется, что в этом случае, успешная социокультурная адаптация русских в Туве, стала следствием внутренней установки на долговременное пребывание и создание устойчивой хозяйственной системы.

В Уюке, Азюте, Березовке баптисты предпочитали селиться преимущественно со своими единоверцами, в Успенке они успешно проживали со староверами (Моллеров, 2019: 27). Скудные сведения о мотивах переселений баптистов, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют безусловно утверждать, что заставляло их неоднократно переезжать с места на место. Тем не менее, воспоминания, собранные З. К. Казанцевой, немного проливают свет на этот аспект этноконфессиональных миграций. Общим моментом для них является проживаемые концепты «страданий», «нужды», «неприкаянности» (Казанцева, 2023).

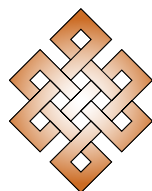
Показательна история семьи Вавилиных, выделенная в сборнике Казанцевой весьма примечательно — «Жизнь в исканиях». Они, очевидно, так же как, например, Колодкины были выходцами из усинского старообрядческого клана и вынужденно уехали в 1930-х гг. из родной деревни в Туву «в поисках лучшей жизни», потом переехали на прииск Усть-Золотая, голодали, особенно во время войны:

«Наконец решили в Туву ехать: там, говорят, прокормиться можно. Вначале жили в Аргузуне (Арыг-Узун), совхоз «25 лет РКК» около Шагонара (1946–1951 гг.). Понадобился в Огнёвку — поехал по набору, как хороший строитель, плотник. А из нужды выйти никак не могли. Сначала в палатках жили, потом построили «Копайгород» — землянки. Там до 1959 года продержались. Был депутатом в Хову-Аксы — это новая Огнёвка» (Казанцева, 2023: 29).

Многие добровольные переселенцы первых лет после вхождения Тувы в состав СССР, т. е. второй половины 1940-х гг., в своих воспоминаниях отмечали, что стремились переехать из-за голода и плохого снабжения соседних территорий, где «... было несладко, а в Туве калачи на деревьях росли» (Полевые материалы автора, г. Шагонара, 1998).

Практически для всех переселенцев, особенно первой половины XX в., была характерна большая внутрирегиональная подвижность: неоднократная смена жительства, постоянные переезды с места на место, нередкой была возвратная миграция¹. Но, как правило, все эти перемещения только выгля-

¹ Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 47, 18 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/47/5271-ekaterina-dorofeeva-devyanosto-dva.html> (дата обращения: 15.06.2025).

дятся хаотичными, зачастую выбор нового места был обусловлен возможностью продолжить на новом месте конфессиональную и воссоздать привычную рамку социальной жизни.

Таким образом, в Туве в рассматриваемый период ярко прослеживается сложное переплетение традиционных православных ценностей с новыми течениями христианства в инокультурных условиях. Переселение старообрядцев, баптистов и других верующих было обусловлено рядом причин: они сталкивались с религиозными преследованиями в России, что вынуждало их искать более свободные места для вероисповедания. Возможно, что переселенцев также мотивировали поиски новых хозяйственных возможностей, в Туве они находили перспективы для ведения сельского хозяйства благодаря наличию свободных земель и ресурсов, а также определенной вероисповедной свободы.

Заключение

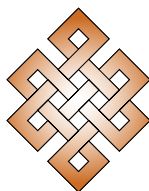
Непростой во многих отношениях период с 1920-е по 1970-е гг. в тувинской историографии редко выделяется отдельно. Более привычным, что во многом оправданно, является рассмотрение отдельно периода ТНР и начала советского периода, соответствующего Тувинской автономной области. Однако предпринятая в настоящей статье попытка в контексте переселений комплексно взглянуть на этот сравнительно небольшой по протяженности временной отрезок позволила частично оценить последствия масштабной социально-экономической и культурной трансформации этого периода.

Рассмотрение исторического контекста миграций русскоязычного населения в Туву в 1920–1970-е гг. позволило установить определенную разницу основных тенденций миграционного движения. Состоялся переход от исключительно добровольных входящих переселений, характерных для периода ТНР к миграциям, контролируемым государством. Результатом переселений этапа «закрытой» границы стало поддержание системы этнически и конфессионально однородных поселений, возникших на предыдущем этапе. Для периода ТАО при сохранении этого принципа расселения получает развитие дисперсный характер, что приводит к появлению смешанных сред.

Выявление этнической и конфессиональной составляющей в отдельных миграционных потоках непростая задача, но сочетание статистических, количественных методов с качественным анализом полевого эмпирического материала позволило в нашем случае составить демографический портрет русских переселенцев. Был выявлен обнадеживающий демографический потенциал группы старообрядческого населения в Туве, позволяющий им до настоящего времени поддерживать достаточный демографический баланс, развиваться устойчиво. Установлена зависимость колебаний численности русского населения от общеисторических событий и процессов XX в. — гражданской и Великой отечественной войн, приведших к заметным демографическим провалам.

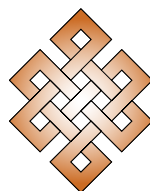
Этноконфессиональный аспект миграционного движения рассмотрен на примере двух христианских направлений, получивших распространение в Туве в этот период: старообрядчества и баптизма. Выявлена общность их мотивационных переселенческих установок, связанная с желанием и поиском возможности избежать преследований, как по религиозным, так и по социально-экономическим причинам. Также обращает на себя внимание высокая внутрирегиональная подвижность этой группы переселенцев — «тяга к перемене мест», но эта хаотичность скорее есть стремление к порядку, к системности, возможной лишь в определенных условиях.

Переселения русских в Туву стали важным фактором, серьезно изменившим этнокультурный и демографический облик региона. Они сопровождались новыми социальными явлениями: распространением оседлой системы расселения, этнически и конфессионально смешанной по своему характеру; складыванием специфической культурной среды, со временем все более разнообразной по своему составу в этническом отношении. Изменилась и структура социально-экономических отношений в связи активным освоением переселенцами новых районов, распространением видов хозяйственных занятий, связанных с оседлым образом жизни — земледелия, огородничества, рыболовства и других. Относительная вероисповедная свобода начального этапа переселения способствовала изменению сакрального ландшафта — появлению молитвенных домов и других культовых сооружений, системы старообрядческих монашеских скитов и отшельнических поселений. В целом, переселенцы повлияли на изменение жизненного уклада тувинского общества, а по мере вхождения Тувы в советскую систему управления и производства неизбежно менялись социальные условия жизни людей, культура и традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы : (По материалам этносоциологического исследования). М. : б. и. 336 с.
- Анайбан, З. В. (2011) Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 130–150.
- Дашковский, П. К., Монгуш, А. В. (2024) Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. // Oriental Studies. Т. 17. № 3. С. 525–539. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539>.
- История Тувы (2016) : в 3-х т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. III. 455 с.
- Казанцева, З. К. (2023) Исторические рассказы о христианах Тувы. Кызыл : б. и. 180 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Туймебаев, Ж. К., Шагимгереева, Б. Е. (2024) «Люди Центра Азии» как научный источник // Новые исследования Тувы. № 1. С. 39–54. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>
- Любимова, Г. В., Стороженко, А. А. (2021) Траектория жизненного пути в этнокультурном ландшафте енисейских старообрядцев (материалы к биографии К. И. Юрковой) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 75–89. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.6>
- Мандыт, М. К., Гончиков, Ц. Д. (2015) Региональные особенности динамики численности населения Республики Тыва // Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география. № 4. С. 248–252.
- Моллеров, Н. М. (2019) Общины евангельских христиан-баптистов в Тувинской Народной Республике (1926–1932 гг.) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.2>
- Моллеров, Н. М. (2022) История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Кызыл : Аныяк. 376 с.
- Пригарин, А. А., Стороженко, А. А. (2024) «Енисейский меридиан» староверия: методы исследования этноконфессиональной среды // Новые исследования Тувы. № 4. С. 259–277. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.17>
- Саая, С. В. (2016) Вопрос о государственных границах Тувинской Народной Республики в 1921–1944 гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (28). С. 114–124.
- Стороженко, А. А., Татаринцева, М. П. (2016) Верхнееенисейские старообрядческие скиты в Туве: историческая реконструкция // Научные труды Тувинского государственного университета : Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ. Вып. XIII / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Тувинский государственный университет. 228 с. С. 95–96.
- Стороженко, А. А. (2019) Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>
- Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.
- Татаринцева, М. П. (2016) Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 82–90.
- Татаринцева, М. П. (2017) Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 1. С. 151–161. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10>
- Татаринцева, М. П., Моллеров, Н. М. (2016) Русские в Туве (конец XIX — первая половина XX в.). Новосибирск : Наука. 295 с.
- Харунова, М. М.-Б. (2011) Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области (1944–1961 гг.). Новосибирск : Наука, 135 с.
- Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая ; Координационно-методический центр «Народы и культуры». 177 с.
- De Haas, H. (2021) A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. Vol. 9 (1). Article 9. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>

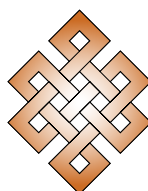
Castles, S. (2010) Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 36. Issue 10. P. 1565–1586. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489381>

Дата поступления: 01.07.2025 г.

Дата принятия: 12.09.2025 г.

REFERENCES

- Abylkalikov, S. I. (2021) Features of the demographic development of Tuva: the contribution of migration to the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Anaiban, Z. V. (1999) *Interethnic relations in Tuva in the 1990s: (Based on materials from an ethnosociological study)*. Moscow, s. n. 336 p. (In Russ.)
- Anaiban, Z. V. (2011) Characteristics of ethnodemographic processes in Tuva during the Soviet period. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 130–150. (In Russ.)
- Dashkovskiy, P. K. and Mongush, A. V. (2024) Faith Communities of Tuva and the Mid-1940s Shaping of the Soviet Government-Religion Relations System. *Oriental Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 525–539. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539>
- The History of Tuva* (2016): in 3 vols. / Ed. by N. M. Mollerov. Novosibirsk, Nauka. Vol. III. 455 p. (In Russ.)
- Kazantseva, Z. K. (2023) *Historical tales about Christians of Tuva*. Kyzyl, s. n. 180 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva as a liminal zone: language, religion, and identification of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Lamazhaa, Ch. K., Tuimebaev, Zh. K. and Shagimgereeva, B. E. (2024) “People of Central Asia” as a scientific source. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 39–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>
- Lyubimova, G. V. and Storozhenko, A. A. (2021) Life trajectory in the ethno-cultural landscape of Yenisei Old Believers (materials for the biography of K. I. Yurkovaya). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 75–89. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.6>
- Mandyt, M. K. and Gonchikov, Ts. D. (2015) Regional features of population dynamics in the Republic of Tuva. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya, geografiya (Bulletin of Buryat State University. Biology, Geography)*, no. 4, pp. 248–252. (In Russ.)
- Mollerov, N. M. (2019) Communities of Evangelical Christian Baptists in the Tuvan People’s Republic (1926–1932). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 16–28. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.2>
- Mollerov, N. M. (2022) *The history of the Soviet foreign colony in the Tuvan People’s Republic (1921–1944)*. Kyzyl, Anyak. 376 p. (In Russ.)
- Prigarin, A. A. and Storozhenko, A. A. (2024) “Yenisei Meridian” of Old Belief: methods for studying the ethnoconfessional environment. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 259–277. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.17>
- Saaya, S. V. (2016) The issue of state borders of the Tuvan People’s Republic in 1921–1944. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialnye i gumanitarnye nauki (Bulletin of Tuvan State University. Social and Human Sciences)*, no. 1 (28), pp. 114–124. (In Russ.)
- Storozhenko, A. A. and Tatarintseva, M. P. (2016) Upper-Yenisei Old Believer hermitages in Tuva: historical reconstruction. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta: Proceedings of the annual scientific-practical conference of teachers, staff, and postgraduate students of Tuvan State University. Issue XIII*. Ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvan State University. 228 p. Pp. 95–96. (In Russ.)
- Storozhenko, A. A. (2019) Old Believer monasteries of the “Yenisei Meridian” in the 20th century: origins, traditions, and contemporary state. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–15. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>
- Tatarintseva, M. P. (2006) *Old Believers in Tuva. Historical-ethnographic essay*. Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.)
- Tatarintseva, M. P. (2016) Old Believers in Tuva in the early 20th century and during the Tuvan People’s Republic. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 82–90. (In Russ.)
- Tatarintseva, M. P. (2017) Features of agriculture among Russian settlers in Tuva at the beginning of the 20th century. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 151–161. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10>
- Tatarintseva, M. P. and Mollerov, N. M. (2016) *Russians in Tuva (late 19th — first half of the 20th centuries)*. Novosibirsk, Nauka. 295 p. (In Russ.)

Kharunova, M. M.-B. (2011) *Socio-political transformations in the Tuvan Autonomous Region (1944–1961)*. Novosibirsk, Nauka. 135 p. (In Russ.)

Khomushku, O. M. (1998) *Religion in the history of Tuvan culture*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS named after N.N. Miklukho-Maklay; Coordination and Methodology Center “Peoples and Cultures”. 177 p. (In Russ.)

De Haas, H. (2021) A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, vol. 9 (1), article 9. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>

Castles, S. (2010) Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, issue 10, pp. 1565–1586. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489381>

Submission date: 01.07.2025.

Acceptance date: 12.09.2025.